

70-летию победы в Великой Отечественной войне посвящается!

Анищенко Василий Илларионович родился 1 июня 1922 года.

В августе 1944 года был призван в действующую армию, сражался в пехотных войсках, был командиром пулеметной роты. Великую Отечественную войну Анищенко В.И. закончил 9 мая 1945 года в звании гвардии лейтенанта.

После демобилизации в августе 1945 года Василий Илларионович работал преподавателем военного дела в средней школе, а в 1949 году был направлен на работу в органы ВЛКСМ.

В 1951 году поступил в Ленинградскую юридическую школу, которую окончил в 1953 году.

В 1953 году после окончания Ленинградской юридической школы Василий Илларионович

пришел на работу в органы прокуратуры Новгородской области, сначала – на должность следователя, затем – старшего следователя.

В 1965 году был назначен на должность помощника прокурора области по надзору за рассмотрением в судах гражданских дел, в том же году был переведен на должность прокурора следственного отдела прокуратуры Новгородской области.

В 1976 году занял должность начальника следственного отдела прокуратуры Новгородской области, а в 1976 – старшего помощника прокурора области по кадрам, в которой и проработал до выхода на пенсию.

В 1983 году Василий Илларионович уволился из органов прокуратуры в связи с выходом на пенсию по выслуге лет.

В.И. Анищенко награжден орденами и медалями, в том числе – орденом Красной Звезды и медалью «Ветеран прокуратуры».

Василий Илларионович Анищенко скончался 23 декабря 2012 года.

Из воспоминаний ветерана: «21 июня 1941 года я сдал последний экзамен в Смоленской фельдшерской школе, а 7 июля был призван на военную службу и зачислен курсантом военно-пехотного училища. Я просился у командования пойти на фронт медиком, знал военно-полевую хирургию. Не пустили, несмотря на неоднократные просьбы, даже на «губе» в связи с этим три раза побывал.

– Хочу быть медработником, – настаивал я.

Но армия есть армия, приказы надо выполнять, после долгой беседы с особистом – смирился. Потом было Архангельское военно-пулеметное училище, где я был уже помощником начальника учебной части. И только в 1944 году попал на фронт – помощником начальника штаба 299-го стрелкового полка, командиром пулеметно-парашютной роты. Было мне тогда 22 года. Наша часть базировалась в районе венгерского озера Балатон, вошли в деревушку и засели там, пользуясь темнотой, заняли оборону. И попали под огонь четырех тяжелых немецких танков.

У нас только пулеметы, что они против танков и огнеметов? Причем, подошли танки и с тыла – нам ни туда, ни сюда. Я взял командование на себя и повел людей – около 150 человек – по левому флангу. Утром немецкие танки ушли по автострате Будапешт – Вена. Нам надо было занять высоту Кудрявая. Немецкие танки выползут из укрытия, обстреляют нас и – назад. Мне удалось из противотанкового ружья подбить один танк. Я побежал на другую сторону дороги, упал в кювет и попал под огонь. Слышу только: «Ротного убило!». Меня ранило: сорвало нижнюю челюсть. Полгода мотался по госпиталям.

В Бакинском госпитале написал врачу записку, говорить-то не мог – есть ли у меня язык. Врач успокоил – есть, а я не верю, посмотреть-то на себя не мог – в отделении челюстно-лицевой хирургии зеркал, как правило, нет.

Меня вылечили, «вернули лицо», и началась гражданская жизнь – военруком в средней школе, завотделом в райкоме комсомола, по разнарядке которого попал в Ленинградскую юридическую школу. Это и определило дальнейший жизненный путь.

По разному приходят люди к своей профессии. Для моего поколения многое определила война. К медицинской профессии возвращаться не захотел, да и поотстал за эти годы, в юридическую школу пошел с желанием. И, как оказалось, не ошибся. После окончания школы я приехал в Новгородскую область, работал в Боровичской, Старорусской, областной прокуратуре – везде на следствии.

Следственная работа, которой я отдал 26 лет жизни, – самая интересная и трудная. Предлагали мне должность прокурора района, – не пошел. Следователь имеет право по отдельным видам процессуальных действий не согласиться ни с кем – только он может решать. Самая сложная работа была в Боровичах, где уровень преступности был выше, чем в других районах.

До сих пор помню свое первое дело.

В деревне Передки был жестоко убит 76-летний старик, бывший матрос, затем, волею судеб ставший судьей. Взяли его на эту должность за боевой настрой. Разговор у него с подозреваемым был короткий:

- Ну, контра, рассказывай, что ты совершил и как.

В Передках у бывшего судьи был дом, сад, баня. Человеком он слыл состоятельным – имел норковые и прочие дорогие шубы. Сад свой караулил с наганом, из которого однажды и выстрелил. Пришли в его сад местные ребята, дед и пальнул, убив 19-летнего парня. Мы этого деда «раскололи», наган он отдал, пулю нашли, экспертизу сделали – доказательства явные.

Дед меж тем сидел в КПЗ, на одном из допросов обратился ко мне:

– Гражданин следователь, мне 76 лет, отпусти домой.

– Уйдешь.

– Куда я пойду, ходить не могу.

Я был молод, доверчив, пожалел старика, отпустил до суда. Дел же с радости слух по деревне пустил, – отпустили, мол, меня, ребят будут судить, а не меня. И отправился в лес по грибки. В лесу встретил он известного всей округе Сашку-валдайского, не раз судимого, с ружьем. Брат этого Сашки был в группе ребят, наведавшихся в сад бывшего судьи.

– Ах ты, гнида, убил человека, а судить будут ребят, да еще брата моего.

Старик предлагал Сашке шубы, тридцать тысяч деньгами, только бы отпустил его. Тот отказался и выстрелил деду в живот, потом истыкал его всего ножом, выколол глаза и закопал в болоте. И оплошал – нож во мху оставил. Задержали.

– За что ты его убил? – спросил я на допросе.

– Гражданин следователь, вы не с того начинаете допрос. Спросите – убивал ли я его?

– Этот вопрос для меня ясный – женщины видели, что ты с ним встречался.

– Мало ли чего они видели.

Я вытащил нож:

– А это ты видел?

– Вроде видел, кто-то взял и использовал.

– Зачем ты его ограбил?

– Как ограбил, что я взял?

– Сапоги.

– А они рваные были, я их вам отдам.

– Да, разбойное нападение, ружье – это вышка.

Испугался Сашка, повел на место преступления, с понятыми, с собаками. Сапог не нашли.

– А лукошки старика куда дел?

– На елке спрятал.

Полез и достал их, это все засняли на фотопленку. Если бы Сашка не сознался, не смог бы я

доказать вину. Дали ему десять лет.

В то время дела очень сложные были, особенно по хулиганству. Каждая деревня, как правило, имела свой праздник – напьются, раздерутся. Так, в деревне Козловка во время такого праздника в восьмидесяти домах выбили стекла, зарезали лошадь, корову, разбили мебель. Попробуй разберись, кто что творил, определи вину каждого. «Боровичское крещение» стало для меня хорошей школой. Уже через год за шесть месяцев я расследовал 34 уголовных дела, за одиннадцать месяцев 1959-го – 49 уголовных дел, из которых 33 дела на 54 человек было направлено в суд, а 16 дел – прекращено. За это мне объявили благодарность. В контакте с работниками милиции раскрыл четыре кражи денежных средств. Причем дела прекращались, но по моему заданию милиция продолжала по ним оперативную работу, и я возобновлял уголовное дело. Кражи были доказаны, виновные понесли наказание.

Следствие начинается с чистого листа и заканчивается обвинительным заключением. За всем этим – огромный труд, требующий и знаний, и опыта, и терпения. Да мало ли с чем приходится сталкиваться во время работы по изобличению преступника. Тут и хорошим психологом надо быть, разбираться в людях, уметь разговорить их и выслушать. Я учился на ходу – закончил юрфак Ленинградского университета, много читал, каждое новое дело прибавляло опыта и знаний. На пенсию вышел старшим советником юстиции.

На пенсию, но не на пассивный отдых. Пока позволяло здоровье, шесть лет трудился в комиссии по реабилитации. Когда вошел в курс дела, для меня это был ужас, трагедия – там процессуальный закон вовсе не соблюдался, сплошная липа: сидят трое мужиков в лесу, беседуют. Один и говорит: нам до войны говорили, что наши самолеты самые лучшие, а оказалось – у немцев лучшие. Назавтра автора этих слов берут, расстреливают. А постановление о привлечении к ответственности еще даже не вынесено. По статье 58 п. 10 многих реабилитировали.

После инфаркта уже не работаю, занимаюсь по мере сил вместе с женой, Ангелиной Владимировной, огородом, читаю. В 2003 году исполнилось ровно 50 лет супружескому союзу. Доволен сыновьями, невестками, которые частые гости в родительском доме. Закончила юридический факультет Новгородского университета внучка Анастасия – пошла по стопам деда. Жизнь продолжается».*

*Сборник «На страже Закона» - Прокуратура Новгородской области., 2003.

Изображения

Официальный сайт
Следственное управление
Следственного комитета Российской Федерации
по Новгородской области

08 Апреля 2015

Адрес страницы: <https://vnovgorod.sledcom.ru/news/item/913221>